

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

*Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия
Доцент кафедры философии и культурологии, кандидат культурологии**Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Komsomolsk-on-Amur, Russia
Department of Philosophy and Cultural Studies
Associate Professor, PhD (Cultural Studies)
larsandr@mail.ru***СУБЪЕКТ КАК ЦЕННОСТЬ В ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX ВЕКА**

В статье исследуется репрезентация субъекта как ценности в эпистолярной культуре русской интеллигенции первой половины XIX века. Аксиологический характер категории субъекта рассматривается в контексте концепций Ф. Ницше, П. Рикера, Ю. Хабермаса. Целью исследования является выявление способов обозначения ценностных атрибутов субъекта в эпистолярной коммуникации. На примере профессиональной переписки прослежено историческое развитие от исчерпывающей ролевой идентификации до репрезентации субъектом ограниченности ролевых рамок и профессиональных конвенций. Коммуникации в системе литературных институтов и интеллектуальных «кружков» рассматриваются как пространства, в которых разрабатываются новые конвенции представления субъекта. В результате исследования было выявлено, что субъект репрезентирован как ценность в структуре двух видов отношений: отрицания ролевых границ посредством применения категорий универсального и индивидуального; утвердительной идентификации в фигурах сопоставления и диалога различных позиций.

Ключевые слова: субъект, личность, репрезентация, ролевая дистанция, самость, идентичность.

**A PERSON AS A VALUE IN EPISTOLARY
CULTURE OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA
OF THE XIX TH CENTURY**

The paper deals with the representation of a person as a value in epistolary culture of Russian intellectuals of the first half of the 19th century. The axiological character of a category of a person is considered from the point of view of the concepts by F. Nietzsche, P. Ricœur, J. Habermas. The purpose of the research is to find the ways of designation of evaluative attributes of a person in epistolary communication. The historical development from comprehensive role identification the representation by a person of the limitation of professional conventions is traced on the example of professional correspondence. The paper views the communication in the system of literary institutes and intellectual «societies» as fields where new convention of a person significance are worked out. As a result it was found out that a person is represented as a value in the structure of the relationships of two kinds: negation of the role boundaries by means of the use of the category of universal and individual; affirmative identification in the figures of juxtaposition and a dialogue of various positions.

Key words: subject, person, autonomy, representation, role distance, selfness, identity.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

Для культуры Модерна характерным аксиологическим основанием является концепт *субъекта-личности*. Можно разделить эти понятия по разным смысловым пространствам – эпистемологического субъекта в познании и личности в социальной и психологической перспективе, однако оба понятия составляют единый смысловой комплекс, включающий автономию субъекта познания и действия, самоидентичность, способность мыслить и действовать «от первого лица», дистанцированность от объектов и форм своего выражения и, в то же время, право собственности на них.

О ценностной природе субъекта писал Ф. Ницше, согласно которому эта категория отражает не реальность наличествующего единства различных восприятий, переживаний и познаний, но желание, влечение к этому единству. Картезианская достоверность мыслящего субъекта, согласно Ницше, существует не как констатация, отражающая нечто ставшее, но как объект желания и веры, как ценность, руководящая становлением в качестве действующей истины перформативного утверждения: «Субъект – это терминология нашей веры в единство всех различных моментов высшего чувства реальности: мы понимаем эту веру как действие одной причины, мы так глубоко верим в нашу веру, что ради нее и изобретаем собственно “истину”, “действительность”, “субстанциональность”»¹.

Утверждение Ницше об аксиологической сущности субъекта предполагает следующие выводы. Во-первых, субъект-личность конструируется не как сущее, но как должное, противопоставленное чему-то, имеющемуся в наличии. Это проявляется в том, что субъект Модерна утверждает свое неравенство окружающим его условиям и исполняемым ролям. Во-вторых, сущее, от которого осуществляется ценностное отталкивание, харак-

теризуется разрозненностью, отсутствием единства, восполняемого только в дистанцированном субъекте. В-третьих, субъект утверждается как «действительность», «субстанциональность» в процессе общественного признания – через репрезентацию себя аудитории, через фактическое удостоверение своей значимости и незаменимости в лице и сознании других, о чем писал Ю. Хабермас². Субъект, согласно П. Рикеру, репрезентируется в интересующем акте, соединяющем процессы самообозначения (с помощью местоимения первого лица, противопоставленного второму лицу) и самореференции (представления субъекта в качестве самости, описываемой в третьем лице с помощью определенных предикатов)³.

Следовательно, аксиологическое функционирование субъекта может быть выявлено в коммуникативных процессах, в которых самообозначение субъекта по отношению к другому референцирует такие предикаты как ролевую дистанцию, внутреннюю целостность, автономию и уникальность.

Цель представленной работы – рассмотреть эпистолярную коммуникацию русской интеллигенции первой половины XIX века как отражение процесса формирования ценности личности в русской культуре. Для этого необходимо выявить в эпистолярной практике динамику ролевой идентификации субъекта, направленную в сторону увеличения ролевой дистанции, определить знаковые средства ее выражения и интересующего признания референциальных атрибутов самости.

В западноевропейской культуре эпистолярный жанр получает публичную легитимацию в XVII-XVIII вв.: издаются письма исторических лиц или писателей, приобретающие характер литературных текстов (от античных авторов Цицерона и Плиния младшего до писем г-жи де Севинье, лорда Честерфильда, аббата Галиани, Вольтера и др.), в

¹ Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. СПб.: Азбука-Классика, 2007. С.280-281.

² Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 38.

³ Рикер П. Я-сам как другой. М.: ИГЛ, 2008. С. 50.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

художественной литературе популярным становится эпистолярный роман. В русской культуре подобные процессы начинаются около второй половины XVIII века. В это время складываются нормы эпистолярной речевой культуры, регламентирующие форму обращения к адресату, самообозначение адресанта, структуру письма, фиксировавшиеся в так называемых «письмовниках» – всевозможных руководствах и пособиях для сочинения писем⁴. Эпистолярные формулы распределялись по различным типам писем: деловые и официальные, этикетные (поздравления, приглашения и т.п.), рекомендательные, бытовые или обиходные (к родным, дружеские письма), интимные (письма-исповеди) и др.

Следование более или менее жестким эпистолярным формулам является образцом ролевой коммуникации, содержащей четкий регламент, увязывающий ограниченный набор целей и функций с определенным рангом корреспондентов и ограниченными средствами их достижения. Наиболее полно такая регламентация реализовывалась в официальном (деловом) письме, в котором формы обращения, стилистика, расположение элементов на бумаге (например, дата сверху или внизу письма) подчинялись строгой субординации рангов⁵.

Однако любое ролевое поведение предполагает не только ограничения, но и пространство импровизации внутри этих границ. В официальном письме высшему по рангу подчиненный должен продемонстрировать не только знание эпистолярного этикета и свою профессиональную компетентность, но и подходящие личностные характеристики, например, преданность делу, готовность служить интересам корпорации. Такая задача становится актуальной в контексте карьерного роста или необходимости сохранить должность. Адресат,

находящийся на вышестоящей должности, может реализовывать свою субъективную волю, принимать личные решения, касающиеся профессиональной судьбы подчиненных, апеллируя к своему статусу. Чтобы каким-то образом повлиять на эту персональную компоненту принятия решений, подчиненный вправе прибегать к менее регламентированным конвенциям («нетвердым» рецептам) репрезентации. Например, он может представлять себя в образе «человека долга», верного «сына отечества», готового на любые жертвы ради службы и общего блага.

Другими словами, пишущий апеллирует к определенной ценностной антропологической модели, которую должен разделять вышестоящий адресат и которой, в некотором смысле, он должен подчиниться. Такие не жестко регламентированные, но не менее нормативные культурные конвенции, представляющие ценностную модель человека с определенными атрибутами, о которых можно говорить как об общепризнанных, действуют и в других эпистолярных типах – дружеских, обиходных, интимных и прочих, где индивидуальные характеристики корреспондентов играют большую роль.

А. Зорин обратил внимание на ряд писем М. Н. Муравьева, поэта и придворного учителя, написанных им в 1797 г., когда он ездил в Москву на коронацию Павла, чтобы напомнить о себе и таким образом получить должность. В письмах Муравьева к жене, оставшейся в Петербурге, как отмечает А. Зорин, присутствуют два параллельных плана – отчет о проведенных встречах, делах и конфликтующий с ним сентиментальный этос руссоиста и адепта семейных ценностей, который «не понимает, что он, в сущности, здесь делает, когда все главное у него в жизни – это дом, семья, семейные ценности и т.д.»⁶. Модель сентиментального человека, утверждающая ценность частной жизни и чувственной связи между членами семьи, реа-

⁴ Алексеев М.П. Письма Тургенева // Тургенев И.С. Письма. Т.1. М., 1982. С.16.

⁵ Балакай, А.Г. Эпистолярная фразеология русского речевого этикета // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lib.znate.ru/docs/index-119300.html>.

⁶ Зорин А. История эмоций // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/06/18/zorin>.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

лизуется у Муравьева в качестве конвенции, поддерживающей ролевые обязательства супругов. Однако, старания Муравьева оказались напрасными, не получив никакой должности и вернувшись домой, он пишет письма к начальству, в которых теперь уже бесполезные официальные формулы дополняются жалобами верного «сына отечества», весь смысл жизни которого в службе, и потому смертельно оскорбленного неполучением желаемого чина. Вопрос о том, в каких письмах – к жене или к начальству – Муравьев искренен, по мнению Зорина, не имеет смысла: «Он абсолютно искренен и там, и там. Он просто человек, еще живущий в двух разных и несогласованных эмоциональных мирах, в котором регулирующие механизмы конфликтуют друг с другом... Оба этих эмоциональных комплекса проживаются с невероятной искренностью и силой»⁷.

Две фигуры адресата, в данном случае относящиеся к разным сферам ролевого взаимодействия, обуславливают обращение адресанта к противоречащим друг другу ценностным моделям самообозначения. В обоих случаях самообозначение сугубо *ролевое*, предполагающее безусловную идентификацию субъекта с ролью, соотносенной с ролью другого, и поэтому здесь требуется определенная антропологическая модель, как бы подтверждающая соответствие субъекта и роли. И «сентиментальный муж», и «сын отечества» служат своего рода подходящими масками, подтверждающими правомерность ношения служебного мундира и домашнего халата. При этом для субъекта не существует проблемы координации этих моделей между собой – проблемы самости, целостности, согласования референциальных атрибутов. Задача субъекта – быть искренним в исполнении ролей, соответствующих конкретной коммуникативной ситуации.

Другой пример служебной переписки – на полвека позднее – демонстрирует существенные изменения в структуре ролевой коммуникации.

⁷ Там же.

Письма Н. Г. Чернышевского Н. А. Некрасову в середине 1850-х годов – письма молодого сотрудника «Современника», временно исполняющего обязанности главного редактора, стремящегося убедить начальника в своей преданности делу журнала⁸. Но здесь действует принципиально иная стратегия: в отличие от Муравьева, проявляющего исчерпывающую искренность в отождествлении себя с ситуативной ролью, «искренность» Чернышевского реализуется в фиксации противоречия между его самостью и профессиональной ролью. «Чернышевский, – пишет Т. И. Печерская, анализирувшая этот случай, – не только обнаруживает несоответствие я-для-себя и я-для-других, но указывает на прямую противоположность между ними. Для других я – критик, признающий в искусстве только тенденцию, человек убеждений и разума; на самом же деле, “политика только насильственно врывается в мое сердце”, “убеждения занимают наш ум только тогда, когда отдыхает сердце от своего горя или радости”»⁹. Репрезентация такого несоответствия в служебном письме и является средством доказательства своей преданности делу, способности жертвовать своей самостью ради интересов журнала и литературы.

В письмах Муравьева этот момент жертвы также можно предполагать: объявлять о том, что смысл жизни в службе или семье, значит подразумевать, что эта жизнь одной сферой не исчерпывается и, тем самым, демонстрировать свою самоотверженность. Различие тогда заключается в содержании знаковой экспликации: Муравьев эксплицирует исчерпывающую идентификацию с ролью, определенную коммуникативной ситуацией; Чернышевский эксплицирует ролевую дистанцию и, тем самым, придает ролевой идентификации зна-

⁸ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 14. М.: Художественная литература, 1949. С. 321-329.

⁹ Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=15&id=14>.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

чение подлинной жертвы своей суверенной личностью.

Репрезентация Чернышевским своей субъективности осуществляется как структурное построение, основанное на противопоставлении значений частного и общественного, чувственного («сердца») и идеологического («политики», «тенденции») – двух подставных мистификаций, сконструированных, чтобы репрезентировать отношение между ними. Это отношение заключается в акте самоотречения – автономного требования отказать от личного ради общественного; эта свобода возможна, только если другой признает ее.

Кроме того, есть в письмах Чернышевского к Некрасову и другой важный момент – частное, чувственное и почти интимное репрезентируется как то *общее*, что объединяет участников деловой коммуникации. Чернышевский переходит на уровень достаточно откровенных душевных излияний и оценок – он докладывает о некоторых подробностях своей семейной жизни и внутренних настроений и так же касается частной жизни Некрасова, из чего получается, что их обоих сближает «поэтическая натура» и жертвенная преданность делу журнала. Иными словами, Чернышевский стремится утвердить сходство персональных ментальных событий, «родство душ», существующее за пределами профессионального пространства.

Итак, можно констатировать ряд важных отличий субъективной позиции в «деловых» письмах Чернышевского от эпистолярной позиции Муравьева.

Во-первых, субъект, исполняющий профессиональные роли, может указывать в коммуникации на то, что его самость дистанцирована от ролей, в нем есть что-то трансцендентное, противоположное ролевым обязанностям.

Во-вторых, эта дистанция уже сама по себе предполагает проблему целостности – размещения интегрирующего звена в субъекте, его чувствах или разуме, в его способности к самодетерминации.

В-третьих, профессиональная ответственность осуществляется через расширение границ саморепрезентации, реализуемое в установлении между корреспондентами общей точки схождения ментальных событий, не обязательно прямо связанных с профессиональной сферой.

В фиксации этих отличий, разумеется, важную роль играет контекст конкретной сферы или уровня профессиональной коммуникации. М. Н. Муравьев обращался к наиболее высокопоставленным чинам по поводу результатов придворного церемониала, отличающегося жесткой формальностью регламента (речь идет о правлении Павла I). Человек, коммуницирующий в этом поле, именно то и делает, что представляет совершенную роль и исключает вторжение внеролевого элемента личности. Но у Муравьева тот же механизм действует и в интимных письмах – там тоже важно идеальное исполнение роли.

Н. Г. Чернышевский находится в иной ситуации – в редакции литературного журнала, коммерческого предприятия, существование и успех которого прямо зависит от мнения публики, от личных вкусов и мнений читателей. Поэтому и момент организации журнала, и его жизнь зависят от личной инициативы, от взаимодействия индивидуальных качеств членов редакции, авторов, считающих, что их представления – эстетические или общественные – совпадают с представлениями читающей публики, или, по крайней мере, знающих, каковы эти представления и потребности. В силу этого коммуникация внутри литературного журнала носит межличностный, стремящийся к неформальному характер, учитывающий и психологические особенности коммуникаторов, и их идейные, эстетические и идеологические представления. Само функционирование журнала как публичного органа становится условием и результатом взаимодействия, учитывающего не поддающиеся четкой формализации, внеролевые аспекты субъектов коммуникации.

Приведем пример, находящийся по времени между письмами Муравьева и Чернышевского.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

Переписка Н. Г. Белинского с А. А. Краевским, редактором петербургских «Отечественных записок», летом 1843 г. по своему содержанию в основном относится к обсуждению практических вопросов жизни журнала и лично критика. Белинский, находясь в Москве, принимает «дистанционное» участие в управлении критическим отделом, в предложении и обсуждении планируемых публикаций в номере, в определении финансовых отношений с авторами и пр. Кроме того, он просит, чтобы по письменному поручению Краевского, московские продавцы журнала выдали ему денег, что и было сделано. Однако в формальном отношении стиль обращения принципиально иной, чем можно было бы предполагать в отношениях с лицом, в руках которого финансовые ресурсы, а именно – подчеркнуто неформальный: «Не знаю, с чего начать? Думаю, лучше всего с денег: предмет самый интересный. Я – судырь ты мой – в некотором роде обанкротился, а деньги страшно нужны...»; «Ну, спасибо Вам, о грубейший из всех директоров, когда-либо существовавших в сем печальном мире»¹⁰. В стиле писем господствует ирония и даже определенная карнавализация, рассчитанная на понимающую, дружескую позицию адресата. Плюс к этому в написании писем со стороны Белинского участвовал и В. П. Боткин, тоже один из авторов журнала, живший в Москве. Поэтому ироничная форма текста характеризует скорее общую коммуникативную атмосферу, характерную для организации, работающей с людьми творческих, «свободных» профессий. Здесь невозможно подчинение четким директивам и правилам исполнения функциональных обязанностей, т.к. результат, как предполагается, зависит от неролевых, личностных факторов и неформальных аспектов общения.

Можно констатировать существенные изменения в «деловой» эпистолярной коммуникации,

произошедшие в первой половине XIX в. и связанные с разрушением принципа исчерпывающей ролевой идентификации. Субъект, репрезентирующий себя в рамках профессионально-ролевого письма, имеет возможность указывать на свою самость, дистанцированную от ролей, тем самым, утверждать ограниченность ролевой идентификации. Преодоление ролевых границ осуществляется посредством со- и противопоставления категорий внутреннего и внешнего, чувственного и рационального, индивидуального и общественного. При этом профессиональный контекст продолжает требовать воспроизведения знаков «служения» корпоративным целям, но такое воспроизведение теперь строится на эффекте «жертвования», «самоотречения» дистанцированной субъективности, заведомо превосходящей ролевые рамки.

Таким образом, в структуру профессионально-ролевого письма включены репрезентации: свободы субъекта от профессионального пространства; самостоятельной значимости чувственной сферы личности и необходимости ее интеграции с рационально-ролевым поведением (центр интеграции личности располагается в трансцендентном профессиональному контексту элементе – *чувстве*); ограниченности власти профессиональной сферы как бы с двух сторон – *индивидуального*, частного бытия и *всеобщих* «ментальных» представлений, не уместяющихся в «прокрустово ложе» корпоративных интересов.

Разумеется, такие репрезентации возможны только в отдельных зарождающихся профессиональных сферах, которые не могли существовать иначе, как в процессе нарушения жестких ранговых иерархий или салонных ролевых моделей, и предполагали существенную роль персональных качеств и всеобщих, разделяемых интеллектуальных представлений. Профессиональная структура литературного журнала в данном случае является показательной и, возможно, иницирующей изменения в других сферах, так как в ней учет личностных факторов и мнения публики играет решающую роль. Сходная ситуация возможна в рамках науч-

¹⁰ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 164, 165.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

ных и образовательных институций – сфер интеллектуального производства, существенную роль в которых играет коммуникативный обмен специализированной и обобщенной информацией и признание среди «равных».

Однако в условиях царской, особенно «николаевской», России возможности профессиональной автономии и свободного обмена субъективными мнениями в рамках академического, преподавательского, литературного сообществ были сильно ограничены цензурой и системой контроля. Общим местом воспоминаний об эпохе «сороковых» является упоминание «удушающей атмосферы», царящей в общепринятых сферах жизненной реализации субъекта – в военной и государственной службе, в частном помещичьем быту. И там, и там господствовала иерархия рангов, требующая от человека совершенного исполнения формального церемониала и не позволявшая воплотиться в публично признаваемой форме внеролевым, неаскриптивным компонентам личности.

Альтернативным пространством, в котором власть принятых иерархий и жизненных стратегий стала подвергаться сомнению и отрицанию, было относительно закрытое, неформальное пространство межличностных взаимоотношений, в особенности, различные интеллектуальные кружки – поэтические, философские, политические. Особый интерес среди них представляет философский кружок, сложившийся вокруг Н.В. Станкевича во второй половине 1830-х годов и включавший в себя такие фигуры, как М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, Т.А. Грановский и др.

В кружке Станкевича начинает осваиваться эпистолярная практика «саморазоблачения», построенная на соотношении содержания повседневной жизни (внутренней, психологической и внешней, бытовой) с системой гегелевских философских категорий, переносящая последние из сферы теоретической абстракции в разряд практической этики. Сам процесс письменного саморазоблачения, высказывающий внутренние сокровенные процессы другому и переводящий их на философ-

ский язык диалектики, являлся формой жизненной реализации усвоенной от того же Гегеля концепции рефлексии (отвлеченного самосознания) как «всеобщей духовной почвы», на уровне которой все индивиды ментально тождественны.

Переписка в дружеском круге, объединенном абстрактно-теоретическими интересами, предполагает двойственность позиций участников коммуникации, реализующую семантическую пару *индивидуальное – всеобщее*. Первая – конкретный другой как уникальная, неповторимая личность, не поддающаяся общепринятой ролевой кодификации, самость, открывающаяся в межличностном общении; вторая – всеобщий субъект, на уровне которого участники коммуникации идентичны друг другу, одно *Я* тождественно другому. С одной стороны, тождество субъектов, с другой – их особенность, уникальность.

В годы «примирения», обоснованного восприятием идей Гегеля, участники кружка Станкевича декларировали отрицание своей индивидуальности как «частного определения», «момента» ради стремления слиться с истинной «субстанцией» всеобщего, трансцендентального субъекта. В этот период провозглашалось господство «действительности», противопоставленной «прекраснодушию» «призрачного человека», погруженного в созерцание «бесплотных образов». Через несколько лет «субстанция» уступает место осознанию ценности собственной личности как неповторимой и не сводимой к общим основаниям. Наиболее полно этот переворот артикулирован в письмах В. Г. Белинского начала 1840-х: «я ненавижу общее как надувателя и палача бедной человеческой личности»¹¹. Приоритет отдельной личности над всеобщим утверждается вместе с постепенным распадением кружков, вырастанием его участников из рамок «кружковщины» и одновременным оформлением социальных идеологий западничества и славянофильства.

¹¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 28.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

Но интерес представляет не упрощенная схема движения от всеобщего субъекта коллективной рефлексии к репрезентирующим свою индивидуальность субъектам межличностной коммуникации и социальных идеологий, а синхронное сосуществование и взаимодействие друг с другом этих вариантов, имеющее место в тот же «гегельянский» период или после него. Обращение к адресату может предполагать разделение общей позиции, фиксируемой с помощью безличной точки зрения или точки зрения коллективного «мы». В другом случае адресант может указывать на свою или адресата особенность, уникальные черты личности, от влияния которых невозможно укрыться в круге межсубъектного общения.

Императив «жить целою натурою», требующий из абстрактных философских убеждений сделать практическую программу жизни, обуславливает обоснование одного полюса с помощью другого, взаимодействие их в одной структуре репрезентации. Этот императив неоднократно озвучивал Станкевич и пытался его реализовать в своем эпистолярном наследии. Дружеская поддержка исторических занятий Грановского оформляется в совет «займись философиєю!» для того, чтобы реализовать свой уникальный талант исследователя: «человек может знать, что хочет, по крайней мере, может устроить хаос своих познаний и быть в единстве с самим собою, одушевить науку одною светлою идеею – и этого мы вправе ждать и требовать от тебя, милый Грановский»¹². В сущности, большинство писем Станкевича построены на соотношении и синтезе общих философских размышлений и вопросов личной, частной жизни его или его корреспондентов. При этом он не превращает, как выражался Герцен, простые и живые чувства в отвлеченные «алгебраические тени» – абстрактные категории и рассуждения обретают конкретность, переводятся на язык межличностного общения.

Еще более яркий пример «экзистенциализации» философии, применения ее концептов и категорий к повседневному опыту конкретной личности и к межличностной коммуникации дают письма Бакунина и Белинского второй половины 30-х – начала 40-х годов.

Коммуникация между членами кружка – это всегда игра и балансирование между общими убеждениями и индивидуальностью собеседников. При этом проблемной зоной можно считать индивидуализацию, так как она по определению сопротивляется обобщающей классификации. Как отмечал П. Рикер, при индивидуализации в языке используются те же процедуры, что и при классификации и предикации. Прежде всего, это могут быть разного рода шифтеры («я», «ты», «собственный», «свой» и пр.), обозначающие распределение тех или иных позиций между участниками коммуникации. Другой формой фиксации индивидуальности себя, собеседника или третьего лица является дескрипция – подробное описание социальных проявлений личности, истории общения, взаимодействия с другими (предикативное описание)¹³. Возможна и третья форма – соположение и противопоставление друг другу различных категорий, классифицирующих схем, неких общих точек зрения так, чтобы они обнаружили индивидуальность, находящуюся вне их отдельного репрезентирующего влияния.

Примером совмещения разных точек зрения в попытке передать корреспондентам собственное переживание является описание Станкевичем скульптуры Микеланджело в письме к Е. П. и Н. Г. Фроловым¹⁴. Рассказ составлен из последовательной смены трех перспектив. Первая – объективный, «бесстрастный» взгляд на внешние характеристики образа – из оценок здесь отмечается только несоответствие классическому идеалу. Вторая – субъективный взгляд художника и зрителя

¹² Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич: переписка его и биография. Воронеж: Кварта, 2013. С. 224.

¹³ Рикер П. Я-сам как другой. М.: ИГЛ, 2008. С. 45.

¹⁴ Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич: переписка его и биография. Воронеж: Кварта, 2013. С. 276.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

ля; примечательно, что здесь эти фигуры совмещены: «сила, энергия, железное могущество» характеризуют манеру итальянского художника и транслируемый им, безошибочно воспринимаемый зрителем эстетический идеал. Третья точка зрения может быть названа культурно-исторической – субъективные впечатления погружаются в культурный контекст истории христианского искусства и даже гендерных различий («богоматерь... женщина вообще – не его дело»), тем самым десубъективируясь и реализуя некую обобщенную точку зрения: «Из божества в нем осталась сила». В этой тройственности позиций усматривается своеобразное воплощение гегелевской триады: *тезис* – внешние характеристики объекта, *антитезис* – внутреннее восприятие субъекта, культура как *синтез* внешнего и внутреннего, позволяющий увидеть и осветить границы рассматриваемого явления (индивидуального стиля Микеланджело). В данном случае, перемежая точки зрения и двигаясь от непосредственного описания внешних и внутренних «моментов» к *единому*, Станкевич стремится передать индивидуальное переживание через отражение его в различных позициях, разделяемых вместе с адресатами письма.

Диалогичность может быть реализована в разных контекстах и в разных смыслах. Чернышевский в письмах к Некрасову актуализирует «дружеский» межличностный код, утвердившийся в качестве почти нормы в литературной среде, и постоянно реконструирует возможный критический, недоверчивый взгляд адресата¹⁵. И. С. Тургенев в письмах к Полине Виардо 1847 г. заявляет о своей атеистической позиции, эффектно подкрепляемой мотивами романтического бунта («Как бы мал я ни был, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благода-

ти»¹⁶). В то же время он постоянно держит в поле зрения противоположную позицию «величественного самоуничтожения» перед этими началами, соотносит себя с ней и часто приходит к неутешительным выводам: по сравнению с «могучими предками» мы «достигаем, в лучшем случае, умения быть изящными в своей слабости»¹⁷. Ф. М. Достоевский в 1854 г. в письме к Н. Д. Фонвизиной формулирует свой символ веры именно в форме предположения в самом себе противоположной позиции, в форме ответа на другую точку зрения, которая также в нем, но ей он противопоставляет свое религиозное устремление: «Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных... Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной»¹⁸.

Таким образом, в эпистолярной практике межличностного общения наблюдается действие двух господствующих векторов – к индивидуальному и к всеобщему как опорным точкам идентификации. В качестве всеобщего здесь выступают ментальные (философские, идеологические, эстетические) конструкции, разделяемые членами кружка; индивидуальный уровень реализуется в усилиях субъекта интегрировать с помощью ментальных конструкций свой личный уникальный опыт. Индивидуализация как переход от всеобщего к индивидуальному осуществляется через репрезентируемый другому «диалог» между различными точками зрения, демонстрирующий вариативность и многообразие позиций, которые может занимать

¹⁵ Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=15&id=14>.

¹⁶ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма. Т. 1. М.: Наука, 1982. С. 377.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 28. Кн. 1. Ленинград: Наука, 1985. С. 176.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

субъект и через которые может «открывать» себя другому.

Кропотливая деятельность по разработке и формулированию этих структур в кружках 30-40-х свидетельствует о том, что «внекружковые» структуры идентификации – позиции и роли, принятые в российском обществе, не обладали для этих людей авторитетом и привлекательностью, прежде всего, в силу представления о рассогласованности символического универсума ролей и их частного применения. Искренние признания Бакунина в своем полном растворении и исчезновении в Абсолюте, столь же искренние признания Станкевича и Белинского в том, что любовь не наполняет «каждый момент, каждую точку жизни»¹⁹, что идея «не овладевает всем существом»²⁰, соседствуют с отвержением общепринятых практических призваний и жизненных стратегий как «пошлого резонерства», «стройности одинаковости», «людей рассудка – и желудка».

Осознание ограниченности и незрелости «кружковых» интересов, погружение в какую-либо профессиональную сферу, включенную в систему социальных статутов и ролей, не означает автоматической реабилитации социальной реальности в глазах интеллигенции «сороковых» и последующих поколений. Отрицание утвердившихся формальных статусов и ролей, составляющих в своей совокупности замкнутую систему, не соотношенную ни с индивидуальным, ни с всеобщим модусами, подталкивало представителей русской интеллигенции к разработке таких форм субъективной репрезентации, которые могли бы связать сингулярность и всеобщность без «типового», институционализированного посреднического звена²¹. В эпи-

столярной практике это реализовалось в ироническом отношении к устоявшемуся эпистолярному регламенту, в расчете на ментальное тождество с адресатом, позволяющее ему принять идейные послышки адресанта («Убеждение одно может теперь и разделять и соединять меня с людьми» – писал Белинский²²), а также в диалогичности самого письма, ищущего связи с адресатом в процессе смены и сопоставления различных перспектив.

Итак, в эпистолярной коммуникации русской интеллигенции первой половины XIX века выделяются следующие процессы, фиксирующие утверждение ценности автономной личности. Самообозначение в рамках профессиональной коммуникации допускает указание на нередуцируемость субъекта к профессиональной сфере: он может репрезентировать свою самость как суверенную субъективность, а не только как «я», отождествляемое с ролевой позицией. То же самое относится к непрофессиональным взаимодействиям, например, семейным, родственным, в которых утверждается неспособность определить субъекта полностью с помощью принятых для данного взаимодействия конвенций. Субъект утверждает свою трансцендентность по отношению к ограниченному сектору социального пространства. Суверенность субъекта коррелирует с «размыванием» образа другого – он также не сводим к твердым, предписанным определениям: обращение к нему может опираться на подвижные конвенции межличностного общения, на общность или различие ментальных установок (мировоззренческих, идеологических).

Коммуникация адресанта с адресатом в таких условиях представляет собой, прежде всего, взаимодействие между категориями *индивидуального* и *универсального*. В эпистолярной практике это балансирование реализовано во вторжении частного, личного, интимного в сферу профессиональной или межличностной коммуникации и в

¹⁹ Там же, С. 327.

²⁰ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 204.

²¹ Куренной В. К постановке проблемы персональности в русском педагогическом дискурсе сер. XIX – начала XX века // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге (Научный сборник). М.: Модест Колеров, 2007. С. 301.

²² Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 114.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект как ценность в эпистолярной культуре русской интеллигенции XIX века / A Person as a Value in Epistolary Culture of Russian Intelligentsia of the XIX th Century |

поиске общих ментальных установок, выходящих за пределы практических задач и иерархически-ролевых рамок коммуникации.

При этом структура репрезентации субъекта характеризуется двумя видами ценностных отношений. Во-первых, отношение *негацши* – отрицания социально закрепленных ролевых и коммуникативных норм, шкал оценки и предикаций личности. Это реализуется в отрицательном или ироничном отношении к профессиональным или словесно-ранговым статусам участников коммуникации и третьих лиц, в демонстрации неприемлемости общих траекторий жизни. Во-вторых, «позитивная» предикация личности реализуется в отношении *сопоставления / диалога / взаимодействия*

различных «точек зрения», позиций и локализаций. Субъект репрезентирует себя в таком месте, которое находится в семантических пространствах между внешним, стереотипным взглядом и причастной близостью к внутреннему, между профессиональной реализацией и частной жизнью, между рациональностью философа и чувственностью художника или между разумным устройством частного пространства и страстностью общественного служения и пр. Субъект проявляет себя в этих пространствах в свободном самоопределении, которое не предопределено ничем, кроме его самочинного решения и факта репрезентации этой свободы другому.

